

**БЕЛЫЙ КОНЦЛАГЕРЬ:
ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕННОГО
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ**

Изучение истории Гражданской войны в России всегда сталкивалось с попытками ее толкования (причин, хода, итогов) в свою пользу. Участники Гражданской войны, а также ее первые исследователи часто оказывались по разные стороны соперничавших государственных систем, как применительно к Гражданской войне, так и по отношению к географическим границам советской государственности. Похожие явления происходили и в источниковом разрезе. Как справедливо указывает д. и. н. И. Н. Гребенкин, «источники по истории Гражданской войны с самого момента своего появления и на долгие десятилетия оказались по разные стороны фронта — сначала настоящего, военного, после — не менее непримиримого, идеологического»¹. Поэтому многие важные явления Гражданской войны становились предметом пристального изучения только одной из сторон. Так, о красном терроре больше писали в эмиграции (в СССР эта тема изучалась только применительно к деятельности ВЧК), а о белом терроре — в СССР.

Это не означало отсутствия достижений в разработке этих тем у противостоявших ранее в Гражданской войне в России сторон, но значительно политизировало изучение проблемы. Это же относится и к изучению репрессивной белой практики в период Гражданской войны в России в советский период.

Можно согласиться, что тюремная система белых режимов достаточно подробно освещалась в довоенных советских исторических исследованиях. Однако это изучение имело ряд особенностей.

В первую очередь речь идет о региональном акценте. В советских исследованиях указанного периода преимущественно рассматривался режим тюрем и концлагерей Северной области и Сибири. В этом отношении можно особо выделить вклад советского академика И. И. Минца².

¹ Гребенкин И. Н. Рецензия на «Материалы для истории Корниловского полка» // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 299.

² Интервенция на Севере в документах / Подготовил к печати И. Минц. М., 1933; Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / Подготовил к печати И. Минц. М., 1934.

При этом концлагеря Северной области были представлены как первые из возникших в ходе гражданской войны. Толчком к их образованию стали действия интервентов, прежде всего англичан. После захвата Архангельска 2 августа 1918 г. было очень много заключенных из числа красноармейцев, поэтому небольшая часть арестованных была даже размещена в бронированных кубриках линкора «Чесма» и крейсера «Кохран». При этом конвойную службу несли англичане³. Это было временной мерой, не совсем себя оправдавшей, в том числе из-за имевших место побегов. Поэтому было принято решение о создании специализированных лагерей. 23 августа 1918 г., на острове Мудьюг в Белом море, неподалеку от устья Северной Двины под Архангельском, англичанами был основан один из первых в России концлагерей для политических противников. Максимальная численность лагеря составляла 1242 человека. В день заключенным выдавали 200 граммов хлеба, 200 граммов рыбы, 42 грамма риса, 10 граммов соли, обязывая их выполнять тяжелые работы. 2 июня 1919 г. англичане передали концлагерь белому Временному правительству Северной области. Начальником лагеря был назначен старший помощник начальника Архангельской тюрьмы И. Ф. Судаков. После этого Мудьюг по распоряжению управляющего отделом внутренних дел Временного правительства Северной области В. И. Игнатьева использовался в качестве летнего лагеря для осужденных на каторжные работы. К этому времени из 1242 арестантов 23 были расстреляны, 310 умерли от болезней и плохого обращения, более 150 человек стали инвалидами. Из-за невыносимых условий в лагере 15 сентября вспыхнуло восстание. При подавлении восстания были убиты 11 человек, расстреляны позднее по приговору военно-полевого суда 13 человек. После этих событий концлагерь перевели в Иоканьгу (Кольский полуостров), на территорию бывшей военно-морской базы. Окончательно же этот концлагерь был ликвидирован в феврале 1920 г., при наступлении войск РККА. Таким образом, август 1918 г. можно назвать некоей точкой отсчета начала строительства белых концлагерей.

Между тем практически не изучались подобные явления в «зоне ответственности» Добровольческой армии — Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). Имелись только отдельные публикации по подпольному движению в этом регионе, в том числе об использовании городских тюрем в качестве основы для белой пенитенциарной системы⁴. Подобная акцен-

³ ЦГАИПД, Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2416.

⁴ В этом отношении выделю публикации харьковского исторического журнала «Летопись революции».

тированная «география изучения», на наш взгляд, была связана с внешнеполитической привязкой белого террора к действиям Великобритании, США и Японии в восточных и северных регионах России. Таким образом, правительства Чайковского — Миллера и Колчака тесно взаимодействовали в своей внутренней политике с иностранными государствами, делегируя им ответственность за репрессивную практику в период Гражданской войны. Подобный подход давал возможность советской пропаганде использовать эти факты против них.

Во-вторых, само обобщение количественных цифр белого террора часто сводилось к итоговым цифрам Всесоюзного общества жертв интервенции⁵. Характерны в этом отношении надолго вошедшие в советскую историческую практику цифры по Северной области. Согласно данным Всесоюзного общества жертв интервенции, через архангельские тюрьмы прошло 52 тыс. человек, через Мудьюг — более тысячи человек, через Иоканьгу — 1200 политкаторжан, а всего на «белом» Севере будет расстреляно около 4000 человек⁶. Сейчас эти обобщающие цифры, за исключением данных по Мудьюгу и Иоканьге, подвергаются критике. В этом отношении можно упомянуть монографию д. и. н. Л. Г. Новиковой «Провинциальная контрреволюция». В ней уточнена тюремная статистика Архангельской тюрьмы при белом режиме⁷.

Более правдоподобными выглядят итоговые цифры украинского подразделения этого общества по Украине. Неполные данные, выявленные с 1 апреля 1924 г. по 1 апреля 1925 г. Всеукраинским обществом содействия жертвам интервенции, зафиксировали 237 227 претензий на общую сумму материальных убытков 626 737 390 рублей 87 копеек. Убитых, по данным общества, было 38 436 человек, изувеченных — 15 385 человек, изнасилованных — 1048 женщин, случаев ареста, порки и т. д. — 45 803⁸. Указанные цифры по Украине представляются объективными показателями, о чем свидетельствует исследование по белым репрессиям в Харькове д. и. н. С. Н. Полторака. Согласно найденным им в местном городском архиве материалам, за период белой власти в городе было убито 1285 человек⁹. Эта

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7628. Всесоюзное общество жертв интервенции.

⁶ Интервенция на Советском Севере 1918–1920 гг. Архангельск, 1939. С. 14.

⁷ Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»; Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

⁸ История советского рабочего класса. Т. 1. М., 1989. С. 291.

⁹ Полторака С. Победоносное поражение. СПб., 1994. С. 178

цифра близка к данным Бадилы Гагиева, который руководил похоронами жертв белого режима в Харькове — 1028 человек¹⁰.

Имевшиеся «чекистские материалы» по белому террору в указанный период хотя и были задействованы, но в значительно меньшей степени. Более того, именно опубликованные в это время материалы вызывают сомнения (вводимые «чекистские материалы» в постсоветский период более достоверны). Это, на наш взгляд, связано с обстоятельствами ввода этих данных, в том числе в преддверии политических судебных процессов. Типичный пример: данные о белых репрессиях в Екатеринбургской губернии, которые сейчас заслуженно подвергаются научной критике. По неполным чекистским данным, которые собрали в 1920 г. к процессу над колчаковскими министрами в 1918–1919 гг., белыми было расстреляно 25 тыс. человек¹¹. Впоследствии эти данные вошли во многие издания¹². Хотя сам факт массовых репрессий в регионе достоверен, но количественные показатели были явно преувеличены¹³.

В целом можно констатировать, что советскими довоенными историками было выявлено большое количество материалов по теме белого террора, но часто эти материалы подавались и оценивались некритически. Вместе с тем следует отметить, что многие выводы, сделанные ранее советскими историками указанного периода о характере белого террора, нашли подтверждение в современных исследованиях. Так, сейчас можно считать установленным государственный характер белых репрессий с соответствующей законодательной базой и собственноручными приказами руководителей (вождей) белого режима. В том числе важным моментом стало введение в довоенный период в научный оборот целого ряда приказов А. В. Колчака и его генералов, касающихся карательной практики применительно к партизанскому движению. Введены в научный оборот и многие приказы военного руководства белого Севера.

Разработка проблематики белого террора в период Гражданской войны в последующий советский период изучения имела свои особенности.

¹⁰ Книга о харьковской ЧК: развенчание мифов или восстановление. [Электронный ресурс]. URL: <http://kharkov-online.com/news/n164925.html> (дата обращения 1 марта 2019).

¹¹ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 376.

¹² *Гойхбарг И. Г.* Преступления Колчака. Заключение по делу членов самозванного правительства зав. отд. юстиции Сибревкома // Колчаковщина. Екатеринбург. 1927. С. 130.

¹³ *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920) 2-е изд., доп. и испр. М., 2017. С. 16.

Опять-таки приоритет отдавался белому Северу и Сибири. Характерны в этом отношении труды известного историка Г. З. Иоффе¹⁴. Новым же явлением было большее внимание к репрессиям периода «демократической контрреволюции», в первую очередь в Поволжье. Однако белый террор на Юге России по-прежнему сводился к тюремной практике, без упоминания системы белых концлагерей¹⁵.

Перестройка и последовавшие события обозначили новый этап изучения проблематики белого террора. В первую очередь выделим работы д. и. н. А. М. Литвина¹⁶, В. П. Булдакова¹⁷, П. А. Голуба¹⁸. Первым впервые была дана сравнительная характеристика белого и красного террора, вторым исследованы социально-психологические истоки этого явления, третьим подробно рассмотрена практика тюремного строительства на Севере и Востоке России. Также уточнение тюремной статистики белой Сибири нашло отражение в работах сибирских историков¹⁹.

Отметим вклад и других известных историков Гражданской войны. Так, выделим важные в постановке вопроса о системности белого террора статьи д. и. н. В. Ж. Цветкова²⁰. Важной представляется и статья д. и. н.

¹⁴ *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

¹⁵ Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М., 1975.

¹⁶ *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России // Отечественная история. 1993. № 6; *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.

¹⁷ *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Булдаков В. П.* Революция, насилие и архаизация массового насилия в Гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. М., 2002; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; *Булдаков В. П.* Гражданская война и проза 20-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25).

¹⁸ *Голуб П. А.* Белый террор в России (1918–1920). М., 2006.

¹⁹ *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001; *Тимербулатов Д. Р.* «Баржи смерти» в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4; *Тимербулатов Д. Р.* Проведение эвакуации мест заключения и тюремного ведомства российского правительства А. В. Колчака на территории Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2–3.

²⁰ *Цветков В. Ж.* Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4; *Цветков В. Ж.* Месть и закон. Белое движение: политика и право // Родина. 2008. № 3.

В. Б. Жиромской²¹. На региональном уровне, на материалах Оренбуржья, эту тему недавно начал разрабатывать А. В. Ганин²². Белый террор в Прикамье, на основе местных и центральных архивов, раскрывается в статье А. С. Словиковой²³.

При этом часто тюремная система колчаковского режима сводится к тезису о «наследовании» белыми властями системы концентрационных лагерей для военнопленных Первой мировой войны. Между тем в период Гражданской войны в России уже летом 1918 г. в указанном регионе достаточно массовым явлением была организация новых специализированных концлагерей для красных военнопленных и реорганизация старых лагерей. Так, после занятия Омска 7 июня 1918 г. войсками Чехословацкого корпуса и отрядом атамана И. Н. Красильникова арестованные были направлены в концлагерь, расположенный на территории Западно-Сибирской выставки²⁴. По воспоминаниям Ф. А. Березовского, «концентрационный лагерь был обнесен высоким забором, а сверх него еще колючей проволокой. Кроме того, внутри бараков тоже были сделаны перегородки из колючей проволоки. ...вокруг лагеря стояли сторожевые вышки с пулеметами. По ночам лагерь освещался сильными прожекторами; на территорию его выпускались дрессированные собаки ... По ночам из лагеря в фургонах или в открытых повозках навалом вывозились трупы людей, погибших от недоедания и болезней»²⁵. Хорошо раскрыто положение красных военнопленных в статье В. Д. Вегмана. В ней он указывал на массовые случаи смерти в концлагере, в том числе от тифа и недоедания²⁶.

После занятия антибольшевистскими формированиями 4 июля 1918 г. Уфы в ней также был образован концлагерь, рассчитанный на 2 тыс. чело-

²¹ Жиромская В. Б. Проблема красного и белого террора 1917–1920 гг. в отечественной историографии // Труды Института российской истории РАН. 2004. № 4.

²² Ганин А. В. Статистика заключенных Оренбургской губернии под властью белых (1918–1919) // Гороховские чтения: материалы 8-й региональной музейной конференции / Сост., науч. ред. А. Э. Алашкин. Челябинск, 2017; Ганин А. В. «Колчаковскими бандами был выведен на расстрел и был избит леворвером...»: анкеты общества содействия жертвам интервенции как источник по истории белого террора на Южном Урале // Архив в социуме — социум в архиве: Материалы региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2018.

²³ Словикова А. С. Белая Пермь (1918–1919) // Russian Colonial Studies. 2019. № 2.

²⁴ Энциклопедия города Омска: В 3 т. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716 по 2008 год). Омск, 2009. С. 273.

²⁵ Палашенков А. Д. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. С. 110–111.

²⁶ Вегман В. Д. В Сибири ужас и смерть // Сибирские огни. 1935. № 1. С. 46–52.

век²⁷. Подобные же действия были произведены после занятия Ирбитского завода 21 сентября 1918 г. Для концлагеря будут характерны крайне тяжелые условия содержания, массовые случаи болезни (тиф), голод. Согласно данным начальника Уральского края инженера Постникова, в одну из недель там умерло 178 человек из 1600 заключенных²⁸.

Таким образом, еще до колчаковского переворота можно говорить о появлении нескольких новых концлагерей в ряде городов на Востоке России. Они дополняли прежнюю систему концлагерей для военнопленных периода Первой мировой войны, которая теперь использовалась для размещения военнопленных уже Гражданской войны. Более того, некоторые из этих новых концлагерей возникли раньше белых концлагерей Северной области.

Режим новых концлагерей был более жестким, чем режим лагерей для военнопленных Первой мировой войны. Отметим, что в указанный период фиксируются расстрелы красных военнопленных в концлагерях не только по результату «расследований», но и в результате первых попыток побега. Так, в омском 1-м концлагере для военнопленных после обнаружения чешской охраной в ночь на 1 октября 1918 г. попытки массового бегства заключенных согласно рапорту «убиты и там же зарыты в землю 12 человек»²⁹. Данные события, к сожалению, часто находятся вне внимания изучения проблематики белого террора.

Существует соблазн объяснить появление на Востоке России новых белых концлагерей спецификой именно данного региона и возможной связью с инициативой союзнического командования. Подобный же подход наблюдается применительно к белому Северу. Тем самым происходит противопоставление репрессивной практики на различных белых территориях. Белые репрессии на Востоке России признаются исключительной практикой, связанной со спецификой региона. Белые репрессии на Севере России привязываются к действиям интервентов. Указывается, что подобных явлений на белом Юге России не было. Тем более что менее изученный в этом отношении до недавнего времени Юг России находился под властью белых правительств в течение длительного периода и был тем самым наиболее «типичным» для Белого движения. А на указанной территории исследователями долгое время не «фиксируются» белые концлагеря.

²⁷ Костицын Е. Злые чехи. В концлагере, расположенном на месте «Уфа-Арена», уничтожали тысячи уфимцев // Уфа-МК. 2014. 17 сентября.

²⁸ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 2. Пекин, 1921. С. 186.

²⁹ ГАОО Ф. 391. Оп. 1. Д. 347а. Л. 118.

Однако, на наш взгляд, это является глубоким заблуждением, так как для белого Юга России будут характерны все те же явления, что и для других регионов, которые контролировались белыми властями. Впрочем, отметим, что многие из этих явлений, том числе и система концлагерей, примерно в тот же период будут характерны и для советской системы.

Основной отправной точкой для формирования специальных лагерей на Юге России будет появление собственной территории у Белого движения летом 1918 г. До этого практика белых репрессий на Юге России сводилась преимущественно к расстрелам захваченных при боевых действиях³⁰. Местные тюрьмы находились под контролем казачьих властей и не могли быть в полной мере использованы Белым движением.

Более того, сами эти тюрьмы были переполнены, поэтому расстрелы к большим партиям задержанных лиц применяли и донские казаки. Характерна в этом отношении судьба разоруженного вблизи хутора Мешков 6 апреля (24 марта) 1918 г. тираспольского революционного отряда³¹. Согласно В. А. Антонову-Овсеенко, по дороге к новочеркасской тюрьме было порублено до 500 солдат Ставропольского полка и 225 китайцев³². Современными исследователями, на наш взгляд преувеличенно, называются и вдвое большие цифры³³.

Интерес представляет рассказ одного из уцелевших бойцов тираспольского отряда Н. Д. Рябушенко. В нем он описывает не только сами репрессии, но и последовавшее за ними заключение в тюрьму и условия содержания в ней. Доставка заключенных осуществлялась по железной дороге в закрытых вагонах со станции Чертково до Новочеркасска. Заключенным в поезде трое суток не давали есть, а на четвертый день дали по две селедки на человека, не дав воды. При этом местные жители несли на промежуточных станциях заключенным яйца, пасху и т. д. (все это проходило в пасхальные дни), но все это съедалось охраной. В Новочеркасске имели место расстрелы заключенных. Только после возмущения местных жителей, которые указывали среди прочего, что трупы заключенных разбросаны по округе, эта практика была прекращена и оставшихся заключенных направили на принудительные работы в шахты Парамонова в Александрово-

³⁰ Ратьковский И. С. Карательно-репрессивная практика Добровольческой армии в начальный период ее существования // Вестник РГУ имени С. А. Есенина. 2019. № 3.

³¹ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920). 2-е изд., доп. и испр. М., 2017. С. 65–69.

³² Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 2. М., 1928. С. 283.

³³ Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 155.

Грушевск. Подобные условия ареста, содержания в тюрьме и т. д. готовили обратную радикальную реакцию. Как писал автор воспоминаний: «Я, сидя в тюрьме в Новочеркасске, кричал в окна офицерам, казакам: останемся живы, лампы будем вырезать, топором вырубывать гадам проклятым. И то, что я говорил, сбылось. Я им пощады не давал»³⁴.

Таким образом, расстрелы в январских сражениях и во время Первого Кубанского похода были следствием не только известного приказа генерала Л. Г. Корнилова «Пленных не брать!», но и отсутствия условий для их конвоирования и заключения в тюрьмы. Например, при занятии Лежанки 6 марта (21 февраля) 1918 г. Добровольческая армия «столкнулась» с австрийскими военнопленными, которые использовались в сельских работах. Большинство австрийцев без всякого разбирательства было расстреляно, о чем, в частности, вспоминал Эрик Бред³⁵. Часть военнопленных из близкого расположенного концлагеря ранее вступила в ряды Красной армии, возможно, что это тоже оказало влияние на подобные действия, но скорее всего, об этом участники похода не знали.

Только утвердившись на Северном Кавказе в августе 1918 г., белое руководство Добровольческой армии инициирует создание новых тюрем и концлагерей в Ставрополе и на близлежащих территориях. Уже ранней осенью 1918 г. начинает функционировать специально организованный для военнопленных Новороссийский концлагерь. Его заключенные использовались в том числе для выполнения различных трудовых работ. Заявки на их выполнение коменданту Новороссийского концентрационного лагеря поступали от различных учреждений. Военнопленные использовались для выполнения работ в госпиталях, больницах, военных учреждениях. Работы производились и в мастерских лагеря. Сам лагерь просуществовал до декабря 1919 г.³⁶ Здесь, безусловно, был учтен опыт подобной практики применительно к военнопленным Первой мировой войны.

Имелись в регионе и другие подобные лагеря. Так, трудовому лагерю в г. Ставрополе посвящена специальная статья И. В. Крючкова³⁷. Заключенные указанного лагеря использовались как на работах в городе, так

³⁴ *Корниенко Наталья.* «...Душою плачешь и смеешься от души». Письма читателей М. Шолохову. 1933–1938 // Наш современник. 2004. № 5.

³⁵ *Бред Э.* Моя жизнь, любовь и невзгоды на Ставрополе: Записки немецкого актера-военнопленного. 1916–1917 гг. М., 2015.

³⁶ ГА РФ. Р-3437. Новороссийский концентрационный лагерь для военнопленных. 1918–1919.

³⁷ *Крючков И. В.* Военнопленные в сельском и городском хозяйстве Ставрополя в 1918–1919 гг. // Новая локальная история: Сборник статей. Ставрополь, 2009.

и в крестьянских хозяйствах. Постепенно доля последних увеличивалась, отчасти заменяя труд батраков. При этом белое руководство концлагеря опасалось восстания арестованных. С целью его предотвращения оно высылало в лагерь (например, в ноябре 1918 г.) своих агентов под видом военнопленных, стараясь предупредить возможное восстание³⁸. Данный лагерь будет функционировать и в 1919 г. В этот период произойдет изменение состава заключенных, когда преобладающим контингентом станут красные военнопленные. Летом 1919 г. все пленные (иностранцы и красные) были переведены в созданный в Петропавловских казармах новый концлагерь для военнопленных³⁹.

Помимо Новороссийского и Ставропольского лагерей, в дальнейшем на Юге России будут основаны новые белые лагеря. «Часть пленных красноармейцев передавались комендантам тыловых районов для осуществления хозяйственных работ. С этой целью создавались лагеря для военнопленных». Действовали уездные лагеря в Свято-Крестовском, Александровском, Медвеженском, Благодарненском уездах Ставропольской губернии. Численность заключенных в них была относительно невелика: 300–400 человек в каждом⁴⁰.

Необходимо отдельно отметить организацию специального концлагеря на Дону в конце осени 1918 г. Третьим крупным белым лагерем (после Новороссийского и Ставропольского) этого периода на Юге России стал первоначально создаваемый согласно приказу № 1524 от 14 ноября 1918 г. лагерь для красных военнопленных и сочувствующих советскому режиму в Чертково. Впоследствии, приказом от 10 декабря 1918 г., он был перенесен южнее, в Тарасовку (нынешний поселок Тарасовский), а еще спустя какое-то время — в создаваемый Азовский концлагерь. Согласно распоряжению № 1749 от 10 декабря 1918 г. (старый стиль), все пленные Тарасовского лагеря делились на три категории. Первую категорию составляли комиссары, главари, матросы и самые неблагонадежные. Предполагалось предание их военно-полевому суду, с передачей «оставшихся» в концлагерь. Во вторую категорию входили инородцы, шахтеры и вообще рабочие, в третью — благонадежные. Они также препровождались в концлагерь. «Разбивка пленных на категории должна производиться каждый раз назначенными

³⁸ Борьба трудящихся масс за установление и упрочение советской власти на Ставрополье. 1917–1921 гг. Ставрополь, 1968. С. 122.

³⁹ Крючков И. В. Военнопленные в сельском и городском хозяйстве Ставрополья в 1918–1919 гг. // Новая локальная история: Сборник статей. Ставрополь, 2009.

⁴⁰ Суханова Н. И. Гражданская война 1917–1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект: Дисс ... д. и. н. Ставрополь, 2004. С. 257.

соответствующим командующим фронтом офицерами с представлением от Генерал-Лейтенанта Теплова, которому для этой цели иметь во всех штабах фронтов по одному офицеру»⁴¹.

Впоследствии на Юге России были основаны новые концлагеря. Они становились системообразующей основой карательной политики белого режима на указанной территории. Основанию новых лагерей на данных территориях предшествовало весеннее наступление деникинских войск с захватом большого количества военнопленных. Также сыграл свою роль процесс фильтрации населения на захваченных территориях.

Все военнопленные делились опять-таки на три категории:

1) лица «интеллигентных профессий» и казаки, добровольно вступившие в ряды красных; комиссары, агитаторы, матросы, командиры частей; лица, совершившие уголовные преступления, и иногородцы (евреи, латыши и пр.). Военнопленные этой категории предавались военно-полевому суду на месте. Итогом данного разбирательства был расстрел или повешение;

2) шахтеры, рабочие, бывшие воинские чины, «забывшие присягу». Их отправляли в имевшиеся или образуемые концлагеря;

3) насильственно мобилизованные и не проявившие активной деятельности. Они разделялись на две группы. В случае готовности сражаться с большевиками с оружием в руках эта возможность им предоставлялась. Менее «решительные» оставались для тыловой службы в станицах прифронтальной полосы или для принудительных работ под охраной. При этом альтернативой этим двум вариантам был переход во вторую категорию и заключение в концлагерь.

Указанное упорядочение белой лагерной системы было произведено приказом 7 июня (25 мая) 1919 г. генерал-лейтенанта Генштаба Н. М. Кисилевским. В нем был указан секретный перечень управлений и учреждений Добровольческой армии, в том числе указывалось на пять концентрационных лагерей («лагерей пленных красноармейцев»): в Азове, Новороссийске, Ставрополе, в Медвеженском и Святокрестовском уездах Ставропольской губернии. Существовал также лагерь для военнопленных во Владикавказе, положение в котором ухудшалось по мере ухудшения военного положения белых армий⁴².

⁴¹ Сборник Узаконений правительства Всевеликого Войска Донского. Выпуск 5. (Сентябрь-декабрь 1918 г.). Новочеркасск, 1919. С. 482.

⁴² *Суханова Н. И.* Гражданская война 1917–1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект: Дисс. ... д. и. н. Ставрополь, 2004. С. 257.

Впрочем, к третьей группе, упомянутой в приказе Киселевского, особого доверия у белого командования не было. Так, в связи с этим можно упомянуть инструкцию «Особенности ведения боевых действий в нынешней гражданской войне», составленную в штабе 7-й пехотной дивизии Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) капитаном Генерального штаба К. Л. Капниным под руководством генерал-майора Н. С. Тимановского в мае 1919 г. В частности, в ней утверждалось: «Ввиду ненадежности прибывающих на пополнение мобилизованных и бывших красноармейцев необходимо тотчас же по прибытии их записывать их адреса, предупреждая, что за побег к большевикам будут подвергнуты суровому наказанию не только их семьи, но будет расстреливаться соответствующее число людей из числа их товарищей»⁴³.

Сходный документ этого периода имеет «врангелевское происхождение». Как указывает Р. Г. Гагкуев:

Фильтрация, существовавшая для выделения такого элемента, видна на примере приказа командующего Кавказской армией № 9 от 25 мая (7 июня), которым проводилось соответствующее распоряжение генерала Врангеля: «1) Выяснить личность, установить имя, отчество, фамилию, семейное положение, какой губернии, уезда, волости, деревни, имя, отчество жены, родителей, имена детей, где все перечисленные лица проживают, чем занимаются, где служил на военной службе до поступления в советские войска, какую должность занимал в этих войсках; 2) выделить насильно мобилизованных от коммунистов и добровольно поступивших; 3) всех коммунистов и добровольно поступивших красноармейцев и занимавших командные должности, выделив от остальных, предать военно-полевому суду, каковой образовать распоряжением лиц, пользующихся правами командиров полка; этим лицам утверждать приговоры и приводить их в исполнение; 4) прочих пленных разбить на десятки, составить таковым списки, обязать круговой порукой, предупредив, что за самовольную отлучку или побег будет расстреляно число, равное бежавшим или отлучившимся; 5) добиться точных сведений путем перекрестных вопросов; 6) установить во всех командах пленных полный воинский порядок и дисциплину»⁴⁴.

Апрельско-майские приказы 1919 г. способствовали складыванию системы белых концлагерей на Юге России.

⁴³ Гагкуев Р., Шилова С. «Инструкция» белого генерала Н. С. Тимановского об особенностях ведения боевых действий в гражданскую войну // Журнал Российских и Восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4(11). С. 148.

⁴⁴ Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России, военное строительство, источники формирования. 1917–1920. М., 2012. С. 365–366.

Наиболее масштабным на Юге России в 1919 г. из вышеперечисленных лагерей стал Азовский концлагерь, размещенный на окраине города, в деревянных бараках 235-го запасного пехотного полка, который располагался здесь в 1916-м — начале 1918 г. Лагерь был обнесен высоким забором с двумя рядами колючей проволоки и дополнительно окопан вокруг широкой канавой, у центральных ворот стоял пулемет. Согласно современным исследованиям, в нем погибло по различным причинам (прежде всего от истощения и болезней) около 10 тыс. человек. Положение в лагере зафиксировано в материалах ГАРФ: тиф, дизентерия, скудное питание (полфунта хлеба, треть солдатского котелка похлебки), практически изношенная одежда⁴⁵.

При этом многие из заключенных погибали еще до прибытия в лагерь. Так, 3 октября 1919 г. в Азов прибыл поезд с заключенными для местного концлагеря. Согласно рапорту дежурного врача Е. Е. Ажогиной, при приемке больных с эшелона был подан список на 66 человек, из них 31 человек умерли в пути. При приемке умерло еще трое, а на следующий день 10 человек. Из второй партии, принятой в тот же день, из 65 человек прибывших умерло в пути семеро, а при приемке умерло двое, еще четверо тяжелобольных были в предсмертном состоянии⁴⁶.

Характерно, что указанные данные архивов подтверждают современные археологические раскопки в Азове. Здесь, после того как была вырыта несанкционированная траншея, были обнаружены массовые захоронения периода Гражданской войны. Ведущий сотрудник Азовского музея-заповедника, археолог Андрей Масловский в 2018 г. так описывает эти раскопки:

В течение двух недель приходилось сторожить раскоп до глубокой ночи. Было расчищено 117 костяков. Экскаватор В. В. Бессмертного очень удачно уничтожил среднюю часть братской могилы, так что общее число погребенных составляло не менее 200 человек. Честно говоря, автор давно привык не доверять рассказам местных жителей и поначалу счел, что перед нами еще одно свидетельство кровавых событий 14 в. Увы, все было еще печальнее. Перед нами оказалось захоронение Азовского концлагеря 1919 г., устроенного здесь деникинцами. Многие ли из вас знают о нем? Между тем, по официальной версии, здесь погибло 10 000 человек. ... Захоронения концлагеря занимают примерно 1 кв. км. Расстояние между ними небольшое. Ближайшее было замечено всего в 10 м от исследованного. Оно, к счастью, не было повреждено строителями

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

⁴⁶ Боранова Г. Н. Лагерь смерти. Азов в годы Гражданской войны // Краеведческий библиотечно-библиографический журнал «Донской временник». 2009. № 12.

и было оставлено для будущих исследований. Кажется, захоронений здесь сотни и в каждом сотне скелетов молодых парней. Так что жертв концлагеря было куда больше⁴⁷.

Данное свидетельство носит не единичный характер. Еще осенью 2012 г. на окраине Азова было обнаружено захоронение, которое также можно уязвлять, в том числе антропологически, с трагическими судьбами заключенных Азовского концлагеря. Согласно исследованию В. Ф. Батиевой, в этом захоронении были обнаружены костные останки не менее 172 человек, в том числе 152 мужчин, 4 женщины и 16 взрослых, пол которых достоверно не устанавливается. Возраст смерти погребенных от 17 до 40 лет: 69 человек умерли в возрасте 17–25 лет (40,1%), 101 человек в возрасте 25–35 лет (58,7%) и 2 человека в возрасте 35–40 лет (1,2%). Характерно, что автор публикации на основе антропологического исследования останков сделал вывод, что жертвы относились к южнорусскому типу и, скорее всего, были представителями рабочего населения⁴⁸.

Фиксируются схожие явления в указанный период и в других белых регионах. Так, можно указать на малоисследованные белые тюрьмы и концлагеря на Северо-Западе России и близлежащих территориях, находившиеся в 1919 г. в тылу белой армии в районе Нарвы и других приграничных районах вблизи современной российско-эстонской границы. Отчасти белым командованием также использовались эстонские концлагеря для красноармейцев. Одним из таких лагерей был концлагерь в местечке Пяскуль рядом с Таллином. «Здесь содержалось приблизительно до тысячи человек, состоящих в большей своей части из пленных красноармейцев, в ужасных условиях. Ежедневно от голода умирало от 10 до 12 человек, остальные еще ходили и валились с ног от слабости»⁴⁹. В дальнейшем, уже с апреля 1919 г., в этот лагерь приезжали представители генерала Н. Н. Юденича для агитации среди военнопленных в пользу вступления в ряды Северо-Западной армии. По иронии истории в 1920 г. именно этот лагерь станет одним из мест, куда были помещены интернированные солдаты Северо-Западной армии. Красноармейцы-военнопленные незадолго до этого были от-

⁴⁷ Масловский А. Лагерь каннибалов. Сообщение от 2 мая 2018 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/id205829370>. Дата обращения 1 марта 2019 г.

⁴⁸ Батиева В. Ф. К антропологии населения Подонья начала XX века // Международная научная конференция «Население Юга России. С древнейших времен до наших дней (донские антропологические чтения): Сборник статей. 23–30 августа 2013. Ростов н/Д, 2013. С. 103–107.

⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5–2. Д. 2972.

правлены в Россию. Имелись у Белого движения на Северо-Западе России в 1919 г. и собственные места заключения в Наровье, в частности в Скамье.

Таким образом, система специализированных концлагерей была общим явлением Гражданской войны, характерным для обеих противостоящих сторон. Достаточно указать на практическое совпадение дат становления систем концлагерей на белом Юге и в Советской России в апреле 1919 г. В данном случае можно указать на Постановление Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ». В них помещались, помимо «нетрудового элемента», военнопленные и дезертиры⁵⁰.

Отличие заключалось в относительно лучшем обеспечении продовольствием и медицинской помощью в советских лагерях для военнопленных. Однако данное отличие, на наш взгляд, проистекало в силу иного отношения советской власти к военнопленным в период Гражданской войны (за исключением завершающего этапа). В них видели насильно мобилизованных, а также возможную базу для переформирования в ряды Красной армии. На наш взгляд, это различие наблюдалось и в ходе советско-польской войны 1920 г. уже применительно к польским и советским концлагерям для военнопленных.

⁵⁰ Ратьковский И. С. Дзержинский: от «Астронома» к «Железному Феликсу». М., 2017. С. 268.

**ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
РОССИИ А. В. КОЛЧАК
И СИБИРЬ: ОСОБЕННОСТИ
КАРАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Мнения о деятельности адмирала А. В. Колчака на посту Верховного правителя России в отечественной исторической науке порой диаметрально противоположны¹. Прежде всего, дискуссионной является степень его вовлеченности в различные политические события 1918–1920 гг. Выдвинутый в диктаторы в ноябре 1918 г., Колчак стал заложником политических настроений «справа» и «слева». Разочаровавшиеся в нем деятели называли его «маргариновым диктатором», эрзац-диктатором. Напротив, противники слева ввели термин «колчаковщина» как отражающий жесткость сибирского режима адмирала. Самому ему одно время нравилось сравнение с первым президентом США Джорджем Вашингтоном, но на него он мало походил. Скорее, это была отсылка к американским традициям, в том числе для формирования у американцев положительного образа нового правителя России. Впрочем, американские аналогии часто выходили Колчаку боком. Так, уже с ноября 1918 г. в сибирских газетах получило распространение использование, применительно к территориям под контролем белого правительства, наименования «Сибирские поротые штаты». Одной из первых подобных публикаций была статья в литературном приложении к благовещенской газете «Наш голос». Статья фиксировала само явление, которое проявилось еще до ноябрьского переворота, но впоследствии широко распространилось и часто связывалось именно с режимом адмирала Колчака². Впрочем, жесткие характеристики режима Колчака исходили позднее и от лиц, принадлежавших к его близкому окружению, в том числе от члена его правительства Г. К. Гинса: «При нас происходили жестокие расправы с восставшими крестьянами, сжигались деревни, происходили расправы

¹ Захаров А. М. Адмирал А. В. Колчак в историографии: основные вехи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 4. С. 43–50; Штырбул А. А. О некоторых тенденциях и явлениях в исследовании гражданской войны на территории Сибири в постсоветский период историографии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию восстановления советской власти в Сибири. Омский государственный технический университет; Ответственный редактор Д. И. Петин. 2019.

² Воскресникъ. 1918. 17 ноября.

без суда. Ведь все это правда. Мы допустили хозяйничанье в стране чехов, которые не жалели русского добра. Может быть, мы действительно изменили народу, изменили Родине?»³.

Неизменным при этом является, пожалуй, ключевой вопрос о соотношении деятельности А. В. Колчака и его «военной администрации», Колчака и правительства, Колчака и сибирских атаманов и, наконец, Колчака и союзников. Именно анализ этих сюжетов позволит говорить о роли Колчака в событиях Гражданской войны.

Важным моментом в определении вовлеченности и ответственности А. В. Колчака за различные проявления карательной практики в Сибири является его реакция на произошедшие события, в том числе его кадровые и государственные решения.

Первые, разной степени важности, личные решения Колчака, демонстрировавшего твердый курс, были вынесены им в ноябре 1918 г. еще до переворота, который приведет его к власти. 12 ноября 1918 г. командир 6-й стрелковой дивизии и начальник гарнизона Новониколаевска полковник А. П. Степанов приказом № 92 не только запретил в городе и его окрестностях митинги, уличные выступления и манифестации, но и предусмотрел расстрел за противоправительственную агитацию и военно-полевой суд за расклейку листовок⁴. Через два дня указанный приказ был опубликован в местной газете «Русская речь». Председатель Совета министров П. В. Вологодский вскоре выступил с заявлением, что данный приказ «противоречит коренным образом существующим узаконениям, без нужды терроризирует население и решительно подрывает авторитет действующей власти». Он обратился к адмиралу А. В. Колчаку с просьбой отстранить А. П. Степанова от должности начальника гарнизона и отменить приказ. Однако просьба главы правительства адмиралом была проигнорирована⁵. Таким образом, назначенный 5 ноября военным и морским министром и приступивший к своим обязанностям 7 ноября, Колчак, буквально через неделю пребывания на своем посту, не выполнил просьбу своего прямого начальника. В конфликте гражданской и военной сторон, непосредственно перед вскоре последовавшим государственным переворотом, Колчак встал на сторону военных. Впоследствии это будет происходить не раз, в том числе опять-таки в отношении того же главы правительства П. В. Вологодского.

³ Будберг А. Дневник белогвардейца. М., 2001. С. 214.

⁴ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 256.

⁵ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003. С. 607.

Опора на военные круги, поддержка их всегда будет основой внутренней политики Колчака, военные круги привели его к власти и содействовали ее сохранению в дальнейшем.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске произошел «колчаковский переворот». Характерно, что сразу же была установлена политическая цензура в освещении произошедших событий. «Степановский инцидент» повторился в большем масштабе. Министр внутренних дел А. Н. Гаттенбергер уже в первые часы после переворота 18 ноября разослал специальный циркуляр губернским и волостным комиссарам. В нем он требовал не допустить обсуждения в печати и на собраниях «происходящего», высказывал рекомендацию не останавливаться, в случае надобности, перед принятием решительных мер, вплоть до ареста, как отдельных лиц, так и правлений и руководителей партий и организаций⁶.

Арестованных членов партии эсеров и руководства Директории: Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, заместителя Авксентьева А. А. Аргунова и заведующего делами милиции Совета министров Е. Ф. Роговского и их адъютантов — увезли за город — на Лысую гору, где дислоцировался отряд атамана И. А. Красильникова⁷. Непосредственными участниками ноябрьского переворота, помимо упомянутого И. А. Красильникова, были офицеры Сибирского казачьего войска полковник В. И. Волков и войсковой старшина А. В. Катанаев, уже известные ранее как руководители войсковых карательных операций в Сибири⁸. Указанная тройка деятелей, открыто выступившая за свержение прежнего, как ими определялось, либерального режима, была движущей силой переворота. Это не было случайным: их активная промонархическая политическая позиция была хорошо известна, и «теория» у них не расходилась с практикой.

Ключевую роль в ноябрьском перевороте сыграл атаман Иван Николаевич Красильников (1888–1920), причастный к более ранним репрессиям в Омске (7 июня, 19 октября), Иркутске (11 июля) и других местах Сибири. Известна и его расправа над сибирскими железнодорожниками-забастовщиками в октябре 1918 г. Это только наиболее известные четыре эпизода «боевой» деятельности Красильникова до колчаковского переворота. Предпринимал он в более ранний период и попытку ареста членов Директории,

⁶ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 56.

⁷ Энциклопедия города Омска: В 3 т. Т. 1. Омск от прошлого к настоящему (период с 1716 по 2008 год). Омск, 2009. С. 275.

⁸ Шишкин В. И. Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов // Вестник Томского государственного университета. Серия История. 2018. № 56. С. 67.

еще до Колчака. «Один раз, например, вечером в гостиницу “Европа”, где стояли члены директории, явилось несколько человек из партизанского отряда Красильникова, с криками, что они пришли арестовывать директоров. Этот скандал удалось локализовать только самому Верховному Главнокомандующему генералу Болдыреву; но никаких мер воздействия, никакого наказания виновных, фактически в государственном преступлении, директория провести не могла»⁹.

Вторым ключевым деятелем колчаковского переворота был Вячеслав Иванович Волков (1877–1920). Участник переворота в Петропавловске в ночь на 31 мая 1918 г., он, как и Катанаев (его подчиненный), участвовал в преследовании отряда А. В. Сухова и уничтожении его членов. С 8 сентября Волков был назначен начальником военного гарнизона Омска, через неделю с небольшим его производят в полковники. Именно в доме Волкова в одной из комнат квартировался в первый свой период пребывания в Омске Колчак¹⁰.

Третьим ключевым деятелем колчаковского переворота был войсковой старшина Аполлос Всеволодович Катанаев (1890–1930). Он был к этому времени известен как один из организаторов уже указанного преследования отряда Сухова. Газета «Голос Сибири» прямо назвала эту операцию «охотой на людей». Тогда в селах и деревнях был развешен приказ командующего 1-го Сибирского казачьего полка подьесаула А. В. Катанаева: «... Разбитые красноармейцы продолжают большими группами шляться в горах и лесах. Приказываю: самим крестьянам ловить этих разбежавшихся и расстреливать их на месте, так как известно, что эти люди не кто иные, как разбойники и грабители. О собравшихся больших шайках доносить на ближайшие казачьи кордоны. Если мною будет замечено уклонение от этого приказания, то я буду принимать самые энергичные меры»¹¹. Очевидно, что это будущее ближайшее окружение Колчака многое определяло в направленности внутренней политики Верховного правителя России.

Прямое отношение к перевороту имел и Д. А. Лебедев. Трех из указанных деятелей называл на заседании чрезвычайной следственной комиссии

⁹ Сахаров К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 16.

¹⁰ Допрос Колчака. Л., 1923. С. 164.

¹¹ Исаев В. В. Политическая позиция алтайского казачества в начальный период Гражданской войны в Сибири // Материалы интернет-конференции «Гражданская война на Востоке России. Пермь. Ноябрь 2008. [Электронный ресурс]. URL:(<http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii.html>); Голос Сибири. 1919. 17 января.

4 февраля 1920 г. и А. В. Колчак, как людей, которые предлагали ему участвовать в перевороте:

«*Денике*. Вы не помните, кто из более видных военных деятелей являлся к вам с подобного рода разговорами и предложениями?

Колчак. Насколько помню, — Лебедев и полковник Волков, который был Начальником гарнизона города; затем Катанаев, очень много офицеров из ставки». Отметим, что фамилию Красильникова Колчак первоначально не назвал, но после наводящего вопроса согласился, что встреча с ним, возможно, тоже имела место. «Насколько я помню, не был, но возможно, что он заходил вместе с Катанаевым. В то время он был войсковым старшиною»¹².

Красильников, Катанаев, Волков, да и Лебедев в дальнейшем сделали неплохую военную и политическую карьеру, пользуясь при этом неизменной поддержкой А. В. Колчака. Именно их называли организаторами колчаковского переворота на допросе 4 февраля 1920 г.: «Председатель. В самый момент переворота вы не знали, кто был инициатором и кто был фактическим исполнителем? Колчак. Нет, я знал: Волков, начальник гарнизона, Катанаев, Красильников и несколько офицеров казачьих частей»¹³. Поддержка со стороны Колчака проявилась уже с самого начала. Явившиеся после переворота к Колчаку Красильников, Катанаев и Волков были уверены не только в абсолютной правоте своих действий, но и в том, что эти действия получат безусловное одобрение Колчака. Они заявили, что арестовали членов Директории, «руководимые любовью к родине... по взаимному соглашению и не имея других сообщников». «На лицах казаков было искреннее раскаяние, а в глазах плясали веселые зайчики». В ответ Колчак, пытаясь соблюсти видимость законности, сообщил им, что отдаст их под суд¹⁴. Однако, по определению, суд был формальным, и все участники встречи это понимали, а позиция Колчака была продемонстрирована соответствующим секретным приказом. В приказе Военного министерства от 19 ноября 1918 г., за подписью временно исполняющего обязанности военного министра генерал-майора В. И. Сурина, говорилось о производстве за «выдающиеся боевые отличия» непосредственных исполнителей переворота: по армии полковника В. И. Волкова произвели в генерал-майоры, а по

¹² Допрос Колчака. Л., 1923. С. 168.

¹³ Там же. С. 175.

¹⁴ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М., 2012. С. 419.

казачьим войскам звание полковника присвоили войсковым старшинам А. В. Катанаеву и И. А. Красильникову¹⁵. Это было реальное признание «заслуг» указанных деятелей со стороны новой власти. Все было шито белыми нитками и очевидно для современников событий. В своем достаточно откровенном дневнике В. Н. Пепеляев написал про указанный «суд»: «Было бы лучше, если бы его совсем не было»¹⁶.

Награды в эти дни получил еще ряд военных деятелей. На основании этого современниками делались выводы о вовлеченности в переворот более широкого круга, помимо трех-четырех известных общественности лиц. «К. Я. Гопшер сделал вывод, что арест членов Директории был делом не только казачьих офицеров В. И. Волкова, А. В. Катанаева и И. Н. Красильникова. Он считал, что в перевороте активное участие принимали Г. В. Леонов, А. П. Слижиков и А. Д. Сыромятников, комендант Ставки полковник Деммерт и несколько человек из контрразведки Ставки»¹⁷. На наш взгляд, все же это скорее была группа поддержки, а основное действие выполнила указанная тройка. Без них переворот не состоялся бы.

21 ноября суд оправдал этих трех наиболее известных публике заговорщиков: Волкова, Катанаева, Красильникова. Для видимости оправданные офицеры были на время удалены из Омска и направлены в Восточную Сибирь, в том числе для разрешения конфликта с атаманом Г. М. Семеновым. Этим инцидент официально и был исчерпан.

Впрочем, это были только их первые новые чины и звания при А. В. Колчаке. Являясь сторонниками жесткого курса, они последовательно будут воплощать его и впредь. А адмирал Колчак неизменно будет им доверять и давать все новые поручения в сфере карательной политики. Выполнение распоряжений вело к новым чинам и должностям. Очень скоро до генерал-майора дослужится Красильников, не останутся без новых чинов и другие указанные фигуранты переворота. Все трое будут причастны к практике белого террора.

Эта тройка из ближайшего окружения адмирала демонстрировала новый внутривнутриполитический курс Колчака с опорой на монархически настроенное офицерство. Поэтому не случайным выглядит скорое после ноябрьского переворота восстановление действия военного дореволюционного законо-

¹⁵ Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири. 1918–1920. 2-е изд., испр. и доп. М., 1924. С. 73.

¹⁶ Пепеляев В. Н. Дневник. В. Н. Пепеляев // Окрест Колчака: Документы и материалы. М.: Аграф, 2007. С. 62.

¹⁷ Шишкин В. И. Колчаковский государственный переворот... С. 68.

дательства. 3 декабря 1918 г. было издано соответствующее постановление колчаковского Совета министров:

«Ввиду исключительно тяжелого положения Государства Российского и в целях охранения существующего государственного строя и Власти» в документе предусматривалось временно, впредь до установления народным представительством основных государственных законов, содержание ст. 99, 100, 101 и 103 «Уголовного уложения» (изд. 1903 г.) и ст. 329 «Уложения о наказании и исполнении» (изд. 1885 г.) изложить в следующем виде:

«Ст. 99 — виновный в посягательстве на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность Верховного правителя или на насильственное лишение его или Совета министров власти или в воспрепятствовании осуществлению такой власти наказывается смертной казнью. Посягательством признается как совершение преступления, так и покушение на него.

Ст. 100 — виновный в насильственном посягательстве на ниспровержение или на изменение ныне существующего государственного строя или на отторжение или выделение какой-либо части территории государства Российского наказывается смертной казнью. Если такое посягательство обнаружено в самом начале и не вызвало особых мер к его подавлению, то оно наказывалось срочной каторгой.

Ст. 101 — виновный в приготовлении к тяжким преступлениям, которые указаны в ст. 99 и 100, приговаривается к срочной каторге.

Ст. 103 — виновный в оскорблении Верховного правителя на словах, «в письме» или печати подлежит заключению в тюрьму.

Ст. 329 — виновный в умышленном «неприведении в исполнение» приказа или указа Верховного правителя лишается всех прав состояния и подлежит ссылке на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Все деяния по указанным статьям подлежали рассмотрению в военно-полевом суде»¹⁸.

Переворот нес ощущение чего-то старого из уже забытого ранее, по прошествии многих революционных месяцев. Новый порядок отчасти был в новинку, отчасти уже возвращал полузабытое. Сопrotивление этому процессу преследовалось властями. Американский генерал У. С. Грэвс так охарактеризовал действия властей за первый месяц после ноябрьского переворота: «13 декабря я доносил следующее: “Войска Колчака его именем и властью арестовывают и умерщвляют население, считая, что должен быть наказан всякий, кто идет против его правительства”»¹⁹. Это не было

¹⁸ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака... С. 61.

¹⁹ Грэвс У. С. Американская авантюра в Сибири. 1918–1920. М., 1932. С. 106.

голословным утверждением, арестовывались даже офицеры, не согласные с новым политическим курсом. Некоторые из них позднее станут жертвами подавления декабрьского восстания 1918 г. в Омске.

Вместе с тем, при имевшем место общем ужесточении карательной практики в Сибири после ноябрьского переворота, сложно утверждать, что она первоначально исходила непосредственно и исключительно от Колчака. На наш взгляд, в этот момент он находился в ожидании реакции общества на его приход к власти и еще не контролировал полностью ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке. Карательная практика в этот период была отдана на откуп военным, которые привели его к власти, — как «белому генералитету», так и сибирским казачьим атаманам, которые были полностью независимы в своей практике массовых репрессий от омских властей. Атаманов пытались ввести в определенные рамки, но этот процесс был длительным, и завершить до конца его так и не удалось.

Впрочем, вопрос о личной ответственности Колчака за репрессии и степени его вовлеченности в нее вскоре стал очевиден для современников. Событием, на примере которого уже можно точно говорить об этом, стало подавление антиколчаковского вооруженного восстания в Омске 22 декабря 1918 г.

Колчак незадолго до Омского восстания серьезно заболел. На допросе в Иркутске он указывал, что заболел 9 декабря, но еще неделю исполнял свои обязанности, находясь на ногах. 15 марта консилиум врачей зафиксировал у него тяжелую форму воспаления легких. На это часто указывают биографы Колчака, однако на допросе он также указывал:

«Эта болезнь прервала мою возможность ездить в штаб, в совет министров и т. д. Но я все время старался принимать всех, кто имел ко мне нужду, и просил только Волкова, что если нет особенно срочных вопросов, чтобы меня не занимать. Что же касается фронта, то я два раза в день принимал доклады Лебедева о положении на фронте. Принимал иностранцев, которые ко мне являлись. В некоторых случаях я даже пытался одеваться, выходил и снова ложился в постель. Болезнь моя очень сильно повлияла на события, потому что я в это время не мог заниматься; я не был вполне в курсе всех дел; мне пришлось прекратить занятия в экономическом совещании. Первый мой выход из квартиры был в день возобновления деятельности сената, в феврале месяце, — я болел шесть недель»²⁰.

Показания Колчака свидетельствуют, что во время болезни он не занимался экономическими вопросами, и так же четко — что занимался

²⁰ Допрос Колчака. Л., 1923. С. 197.

военными, не упоминая в данном контексте внутривластные вопросы. Неудобные моменты Колчак постарался не заметить, не углубляясь в детали... Поэтому вскоре последовал уточняющий вопрос следователя.

Алексеевский. Значит, этот период времени с половины января и до конца февраля управление гражданской стороной государственной жизни не лежало на совете министров?

Колчак. Да, конечно, я не мог в это время входить в дела как следовало бы и принимал только экстренные доклады...

Алексеевский. Во время вашей болезни произошло известное выступление в Омске. Как вы отнеслись к нему?

Колчак. Приблизительно около 20-х чисел Лебедев мне сообщил, что имеется агентурное, добытое контр-разведкой сведение, что в Омске готовится выступление ж.-д. рабочих на линии железной дороги, что ожидается забастовка и т. д., что все это идет под лозунгом Советской Власти, но он большого значения этому не придает, так как в Омске находится достаточное количество войск и гарнизон вполне надежный. Поэтому вряд ли может быть какое-нибудь выступление.

Алексеевский. Никаких особых указаний вы по этому поводу ему не давали?

Колчак. Нет, все делалось автоматически. На случай тревоги раз навсегда было составлено расписание войск, — где и каким частям находиться. Город был разбит на районы, все было принято во внимание. Никаких неожиданностей быть не могло, и мне не приходилось давать указаний. Накануне выступления вечером мне было сообщено Лебедевым по телефону или, вернее, утром следующего дня, что накануне был арестован штаб большевиков, в числе 20 человек, — это было за сутки до выступления. Лебедев сказал: «Я считаю все это достаточным для того, чтобы все было исчерпано, и выступления не будет»²¹.

Интерес представляют и другие ответы Колчака об Омском восстании. Сам Колчак говорит о том, что ему сначала доложил о восстании, разбудив его в 5 утра, дежурный адъютант. Потом с ним связался Лебедев, сообщив о ситуации в городе. Около 10 часов утра Колчак отпустил дополнительную охрану из казаков. Потом он вновь связался с Лебедевым и вызвал его к себе. Лебедев прибыл с докладом в 11 часов утра. Либо до прибытия Лебедева, либо вскоре после Колчака посетил с докладом генерал Матковский. Вечером этого же дня Колчак упоминает о полученной им телеграмме о событиях в Коломзино, а также о телеграмме, полученной от генерала Гайды. Вечером он получил записку от главы правительства Вологодского и составил ответ на нее. «И после этого всю ночь меня никто не беспокоил

²¹ Допрос Колчака. Л., 1923. С. 197–198.

и никаких сведений я не получал. Мне было довольно скверно, меня старались не беспокоить»²². То есть весь день Колчак был не только доступен, но и получал регулярно информацию о ходе восстания и лишь поздним вечером, уже после первых полученных данных от Вологодского об инциденте с заключенными, он фактически устраняется — то ли в силу болезни, то ли в силу политических причин — от выполнения своих функций. Возможно, что помимо этого свою роль сыграла особенность характера Колчака, которую отмечали его сподвижники. Так, Р. Гайда указывал: «Колчак был слабым человеком, подверженным время от времени болезненным приступам переходов от подавленности к излишнему волнению, что ужасно истощало его физически и душевно»²³.

Одно несомненно: подавление восстания произошло еще при достаточно активном Колчаке, а вот начало разбирательства «всех инцидентов» — при вновь заболевшем Колчаке. Сам Колчак, признавая масштаб репрессий и особенно расправу с членами Учредительного собрания, считал это личной провокацией против него. На допросе он прямо заявил:

«Я говорил, что этот акт направлен персонально против меня с целью дискредитировать мою власть в глазах иностранцев, которые относились ко мне чрезвычайно благожелательно. Затем я не мог не поставить в связь это событие с тем обстоятельством, что за несколько дней перед этим выступлением у меня была депутация представителей социалистических партий, — я с ними не мог беседовать, но я заставил себя одеться и выйти к ним, — они меня приветствовали и сказали, что поскольку я буду держаться того пути, который я высказал в своих речах и декларациях, то я могу рассчитывать на их полную поддержку»²⁴.

Возможно, что некоторая провокация и имела место, подобно Выборгским расстрелам апреля 1918 г., которые, как считают некоторые финские историки, были направлены на дискредитацию Маннергейма. Однако Колчак предпочел в дальнейшем не рассматривать эту тему, смирившись с событием и приняв его.

Как справедливо вспоминал Колчак, Омское восстание началось в условиях уже имевшихся арестов и расстрелов подпольщиков. Выступление хоть

²² Допрос Колчака. Л., 1923. С. 198–200.

²³ Гайда Р. «Колчак был слабым человеком... // А. В. Колчак: pro et contra. Личность и деяния А. В. Колчака в оценках современников, исследователей и деятелей отечественной культуры. СПб., РХГА, 2018. С. 665.

²⁴ Допрос Колчака. Л., 1923. С. 201.

и готовилось, но стало вынужденным и нескоординированным²⁵. Группа большевиков и солдат напала на Омскую тюрьму и освободила арестованных. Это положило начало декабрьскому восстанию. Оно произошло и в других районах и пригородах города, особенно яростное сопротивление войскам оказали рабочие Коломзино. Однако наладить связь между восставшими районами не удалось, что привело, среди прочих причин, к его поражению.

Последовавшие репрессии носили массовый характер, что признавалось и представителями власти. «Восстание было энергично подавлено. Подавление его произведено было с исключительной жестокостью. Беспощадный расстрел восставших рабочих объясняется, прежде всего, обычным раздражением, последствием мятежа. Суровый холод сибирской декабрьской ночи способствовал немало ожесточению плохо одетых солдат (обмундирование в то время было очень неважное), и они расправлялись с мятежниками как с личными врагами», — писал в своих воспоминаниях член колчаковского правительства Г. К. Гинс²⁶.

Согласно предписаниям белого руководства, войска Омского гарнизона беспощадно расправлялись с теми, у кого находили оружие. Особенно это было характерно для рабочих пригородов Омска. Помимо указанных районов города, расстрелы повстанцев проводились в Загородной роще, Атаманском хуторе и т. д. Исключения делались редко. Часто ожесточение принимало крайние формы. 22 декабря 1918 г. в Омске были расстреляны секретарь профсоюза грузчиков Е. Банчук, его брат, отец, мать, а жена с грудным младенцем была заколота штыками за то, что в пеленках был найден спрятанный наган²⁷.

Руководил подавлением большевистского выступления непосредственно генерал А. Ф. Матковский²⁸. Впоследствии приговоренный к высшей мере

²⁵ «С помощью провокаторов были выявлены две конспиративные квартиры во 2-м районе. Десятки подпольщиков были схвачены, почти 40 человек колчаковцы расстреляли» // *Плотников И. Ф.* Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны. (1918–1920). М., 1968. С. 211.

²⁶ *Гинс Г. К.* Сибирь, Союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 2. Пекин, 1921. С. 96.

²⁷ *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака... С. 231.

²⁸ О причастности генерала Матковского к репрессиям писал Е. Е. Колосов, см.: *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке. (Воспоминания, материалы, документы). Пг., 1923. С. 133.

наказания советскими органами 8 июня 1920 г., он будет реабилитирован, хотя омский эпизод не был единственным в его карательной практике.

Причастны к омским репрессиям были и другие военные чины. «Только что вернувшийся с Востока Иванов-Ринов отдаст приказ о предании полковому суду “provokatorov” (приказ 22 декабря 1918 г. № 160)»²⁹. Непосредственно причастным к репрессиям в городе следует также признать начальника омского гарнизона генерал-майора В. В. Бржезовского, который 23 декабря 1918 г. подписал приказ о предании военно-полевому суду всех принимавших участие в беспорядках или причастных к ним. В приказе предписывалось действия суда открыть в день подписания приказа и закончить в трехдневный срок³⁰. Суд возглавит генерал В. Д. Иванов. Военно-полевым судом под его председательством были приговорены к расстрелу 43 человека, которые были названы «Большевистским Военно-Революционным штабом» (позднее прибавили еще одного, 44-го). Бржезовский утвердил это постановление³¹.

Также Бржезовским предписывалось «всем незаконно освобожденным из тюрьмы» во время омских событий вернуться обратно. «Всех неявившихся и задержанных после этого — расстреливать на месте»³². Часть эсеров, около 60 человек, решила вернуться в тюрьму, надеясь, что «законная власть» их оправдает. Однако ночью конвой вывел их на лед Иртыша, где они были казнены. Среди казненных были известные деятели эсеровской партии. В их числе был Викентий Аницетович Гутовский (псевдоним — Евгений Маевский), один из организаторов первых социал-демократических кружков в Сибири и Сибирского социал-демократического союза, редактор газеты «Воля народа» (Омск). Жертвами также стали члены Учредительного собрания Н. В. Фомин (был предварительно сильно искалечен) и И. И. Девятов, начальник Челябинского района И. И. Кириенко (член II Государственной думы от социал-демократов) и другие видные эсеры.

«На берегу Иртыша впоследствии были найдены их трупы. «Они были так изуродованы, что невозможно было узнать. Стали бродить по берегу, копать снег, нашли еще несколько таких же изуродованных трупов в позах чудовищных. По бороде узнали Фомина. Брудерер был так изуродован, что ясно никак не могли узнать его, пока не показали метки на его окровавленной рубашке...

²⁹ Гинс Г. К. Сибирь, Союзники и Колчак. Т. 2. С. 96.

³⁰ Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака... С. 108.

³¹ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; Отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003. С. 247–248.

³² Гинс Г. К. Сибирь, Союзники и Колчак. Т. 2. — Пекин, 1921. С. 96.

Самое убийство представляет картину настолько дикую и страшную, что трудно о ней говорить даже людям, видавшим немало ужасов и в прошлом, и в настоящем. Несчастных раздели, оставили лишь в одном белье: убийцам, очевидно, понадобились их одежды. Били всеми родами оружия, за исключением артиллерии: били прикладами, кололи штыками, рубили шашками, стреляли в них из винтовок и револьверов. При казни присутствовали не только исполнители, но и зрители. На глазах этой публики Фомину нанесли 13 ран, из которых лишь две огнестрельных. Ему, еще живому, шашками пытались отрубить руки, но шашки, по-видимому, были тупые; получились глубокие раны на плечах и под мышками»³³.

Несмотря на имевшиеся свидетельства этой кровавой расправы, непосредственные участники расстрельной команды не только не были наказаны, но и получили впоследствии повышение по службе. Так, штабс-капитан П. М. Рубцов (руководитель расстрельной команды) с 23 декабря 1918 г. был произведен в подполковники³⁴. При этом и далее «...Рубцов длительное время продолжал оставаться в должности начальника Омской унтер-офицерской школы и расстреливать неугодных и опасных колчаковского режиму лиц»³⁵. Колчак заинтересовался ролью Рубцова в событиях («Я знаю, что Рубцов принимал какое-то участие в исполнении приговоров суда»³⁶) и... оставил все без последствий для его дальнейшей успешной военной карьеры. Собственно, можно согласиться с издателями примечаний к «Допросу Колчака»:

«Колчак — для формы — действительно поручил военному прокурору Кузнецову расследование обстоятельств убийств 22 декабря. Расследование обнаружило лишь то, что было известно с самого начала от непосредственных участников убийства — Рубцова и красильниковцев: Барташевского, Вилентая Шемякина и других: Барташевский был арестован, но затем освобожден. Рубцов оставался на своем месте во главе унтер-офицерской школы, производившей позднее расстрелы по приговорам военных судов. Другим было предложено «скрыться», и само начальство снабдило их нужными паспортами. Часть их из отряда Красильникова перешла в отряд другого крупного бандита — атамана Анненкова»³⁷.

³³ Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. Берлин, 1920. С. 17–21.

³⁴ Гинс Г. К. Сибирь, Союзники и Колчак. Т. 2. С. 96–97; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. С. 247.

³⁵ Балмасов С. Кровавый след «Белого дела» в Сибири // Совершенно секретно. 2017. 9 января.

³⁶ Допрос Колчака. Л., 1923. С. 203.

³⁷ Там же. С. 228.

Как признавал сам Колчак: «Обвинять Красильникова, зная его отношение ко мне, я не мог, я не мог подозревать, чтобы Красильников мог сделать этот акт, направленный против меня»³⁸. Тем временем участники расстрелов (Барташевский, Виленгаль, Шемякин, Падерин) были пристроены в отряд Анненкова. Причем колчаковские следователи знали об этом и имели в своем распоряжении соответствующие документы³⁹.

Это было свидетельство общего подхода Колчака к участникам подавления Омского восстания. 23 декабря 1918 г. им был издан соответствующий приказ № 81:

Приказ № 81 Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

В ночь на 22 декабря изменники России, пользуясь провокацией, освободили из тюрьмы часть арестованных и пытались вызвать беспорядки в городе, в войсках и на железной дороге. Частями Омского гарнизона банды преступников были уничтожены.

§ 1. Благодарю начальников г.г. офицеров, солдат и казаков частей гарнизона, вызывавшихся по тревоге для восстановления порядка, за их высокое понимание долга солдата, за любовь к родной измученной стране и за их труды. Отличившихся представить к награде.

§ 2. Всех принимавших участие в беспорядках или причастных к ним — предать военно-полевому суду. Приказ этот прочесть во всех ротках, батареях, сотнях, эскадронах и командах.

Город Омск
Адмирал Колчак⁴⁰.

«Иными словами, Верховный правитель фактически задним числом санкционировал расправу над всеми неугодными белогвардейцам лицами. Эта директива позволяла насильно выгнанных большевиками из тюрьмы лиц считать причастными к беспорядкам, расправиться с ними и заодно прикрыться от дальнейшего преследования приказом самого Колчака. Кстати, белогвардейские источники указывают, что в те дни Колчак болел воспалением легких и был прикован к постели. Что не помешало ему отдать приказ о расстрелах»⁴¹.

³⁸ Допрос Колчака. Л., 1923. С. 207.

³⁹ Омские события при Колчаке 21–23 декабря 1918 г. // Красный архив. 1924. Т. 7. С. 206–207.

⁴⁰ Там же. С. 208.

⁴¹ Балмасов С. Кровавый след...